2015-08-22 **Почему ГКЧП потерпел поражение?**

За почти четверть века после событий в августе 1991 года было написано немало книг и статей, создано множество телематериалов, состоялось большое количество дебатов в радиоэфире, посвящённых недолгой истории существования ГКЧП.

С одной стороны, власть имущие с поразительным упорством продолжают повторять фальшивые шаблоны ельцинской пропаганды, рождённые 24 года назад. С другой стороны, несмотря на то, что большинство людей давно осознали лживость этих сочинений, они приходят к выводу: многие обстоятельства тех дней до сих пор покрыты

тайной. О стремлении раскрыть правду драматических событий, которые привели к крушению СССР и социализма, свидетельствует обильная литература по истории ГКЧП, которая с каждым годом продолжает пополняться. Книги и статьи, издаваемые типографским способом и распространяемые в Интернете, находят своих многочисленных читателей, которые продолжают недоумевать: «Почему руководители правительства и всех силовых структур не смогли воплотить цели, провозглашённые ими в «Обращении к советскому народу Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР» от 18 августа 1991 года, и остановить процесс распада страны и ликвидации социалистического строя?»

Миф о путче

Подобных мыслей не возникает в головах тех, кто бездумно повторяет официальное объяснение августовских событий 1991 года: «Тогда произошёл путч», то есть имел место мятеж небольшой группы авантюристов, заранее обречённый на неудачу. Те, кто учил новейшую историю в советское время, могли запомнить это короткое немецкое слово в связи с двумя событиями, случившимися в Германии в 20-х годах XX века.

Почти сто лет назад путчем была названа попытка государственного переворота в Германии, предпринятая 10 марта 1920 года помещиком В.Каппом, а также генералами Людендорфом, Лютвицем, Сектом и другими. Опираясь на военизированные «добровольческие корпуса» и части рейхсвера, путчисты захватили Берлин. Правительство Германии бежало в Штутгарт. В ответ началась всеобщая забастовка 12 миллионов рабочих Германии. Созданная в эти дни 100-тысячная германская Красная армия дала вооружённый отпор путчистам. Через пять дней «Капповский путч» был разгромлен.

В учебниках истории упоминали также «пивной путч» вождя нацистской партии Гитлера и генерала Людендорфа. 8 ноября 1923 года в пивном зале Мюнхена Гитлер объявил о низложении правительств Баварии и всей Германии, а также о создании временного правительства рейха. Однако мюнхенская полиция стала стрелять по мятежникам, когда те двинулись из пивной к центру баварской столицы, где были расположены государственные учреждения. Некоторые путчисты были убиты, другие, включая Геринга – ранены, третьи, в том числе Гитлер и Людендорф, – арестованы.

Прежде всего слово «путч» для характеристики событий 19–21 августа 1991 года было использовано для того, чтобы приравнять создание и деятельность ГКЧП к попыткам неудачных фашистских переворотов. Постоянное употребление этого термина помогает закреплять в общественном сознании сфабрикованное на Западе представление о тождестве между коммунизмом и фашизмом. Его вопиющая лживость лишний раз опровергается при сравнении ГКЧП с хунтами, которые создавались в ходе фашистских выступлений.

В отличие от организаторов упомянутых путчей, Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) в своём обращении, переданном 19 августа 1991 года, не объявлял о свержении существовавшей тогда Советской власти. Напротив, ГКЧП выступил в защиту советского строя и сообщал о намерении ликвидировать учреждения, созданные за последние пару лет вопреки Конституции СССР. Войска, введённые в Москву, не штурмовали правительственные здания, а защищали их от возможных попыток нападений. Члены ГКЧП власть не захватывали, потому что занимали высшие правительственные посты. В состав ГКЧП входили вице-президент СССР Г.И. Янаев, премьер-министр СССР В.С. Павлов, министр обороны Д.Т. Язов, министр внутренних дел Б.К. Пуго, председатель КГБ В.А. Крючков и другие.

ГКЧП стал органом высшей власти в стране наподобие Государственного Комитета Обороны СССР, созданного 30 июня 1941 года. Тогда никому в голову не пришло обвинять членов ГКО в перевороте и обзывать их путчистами. Однако в отличие от событий 1941 года, когда во главе Государственного Комитета Обороны, облечённого чрезвычайными полномочиями, стал Председатель Совнаркома СССР, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии И.В. Сталин, через полвека президент СССР, генеральный секретарь ЦК М.С. Горбачёв не возглавил Государственный комитет, обладавший схожей по объему властью.

В то же время, как не раз вспоминал бывший Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов, план создания ГКЧП впервые обсуждался на совещании у Горбачёва в марте 1991 года. По его словам, этот комитет создал Горбачёв 8 марта 1991-го, он же определил его состав: «Тогда в ГКЧП под руководством Янаева были включены все те, кого в августе 1991 года мы увидели по телевизору. Уезжая в Крым, Горбачёв оставил вместо себя Янаева исполняющим обязанности».

Это было бы подобно тому, если бы Сталин отказался возглавить ГКО, а назначил его

председателем своего первого заместителя В.М. Молотова. Однако в отличие от Горбачёва Сталин не уходил от ответственности, думал о государственных интересах, а не о том, как он будет выглядеть в глазах «мировой общественности». Горбачёв же предпочёл оставаться за кулисами, пока члены ГКЧП наведут порядок в стране, разрушенной вследствие его порочного руководства. Поэтому, когда члены ГКЧП прибыли к нему в Форос 18 августа с предложением объявить чрезвычайное положение, чтобы не допустить принятия Союзного договора, который привёл бы к фактической ликвидации СССР, Горбачёв сказал им: «Действуйте». Но сам отстранился от ведения дел.

Хотя в современных школьных учебниках уверяют, что члены ГКЧП объявили, будто «М.С. Горбачёв временно отстраняется от власти», этих слов не найти ни в одном из документов ГКЧП. Правда, чтобы объяснить отсутствие Горбачёва в составе ГКЧП, его члены объявили о болезни генерального секретаря. Однако уже на пресс-конференции 19 августа Янаев твёрдо сказал, что члены ГКЧП намерены впредь работать вместе с Горбачёвым.

Контрреволюционный мятеж против конституционного строя

Обвинения организаторов ГКЧП в организации путча исходили от членов руководства РСФСР во главе с Б.Н. Ельциным, которые действовали по старому принципу, когда укравший громче всех кричит: «Держи вора!» Ещё до создания ГКЧП правительство Ельцина приняло ряд антиконституционных указов, запрещающих действие союзных законов без согласования с властями РСФСР. Такими же противозаконными были заявления правительства Ельцина после создания ГКЧП. Поскольку правительство РСФСР находилось в прямом подчинении правительству СССР, отказ признать создание ГКЧП и выполнять его распоряжения был мятежом против законной всесоюзной власти. По аналогичной причине южные штаты, объявившие о выходе из США в 1861 году, были объявлены законным правительством Авраама Линкольна мятежными.

Однако если мятеж южных рабовладельческих штатов привёл к расколу США на две части, то мятеж Ельцина спровоцировал развал СССР на несколько государственных образований и привёл к ликвидации великой державы. Но прежде всего мятеж Ельцина представлял собой кульминацию контрреволюционных усилий по реставрации капитализма в нашей стране, нараставших с каждым годом горбачёвской перестройки. Не случайно сторонники Ельцина на демонстрации брокеров во главе с Боровым, представлявшие быстро формировавшуюся буржуазию России, прошлись по московским

улицам с гигантским триколором, словно объявляя возобновление гражданской войны против Страны Советов.

Контрреволюционный мятеж Ельцина был поддержан выходившей из подполья теневой буржуазией других республик СССР и руководителями крупнейших западных держав. В Москве же на поддержку мятежа выступили десятки тысяч жителей столицы, которые пришли утром 19 августа к стенам Верховного Совета РСФСР. По оценке тогдашнего министра обороны СССР Д.Т. Язова, там собралось около 70 тысяч москвичей, что составляло менее 1% тогдашнего населения столицы. Нигде больше в Москве или других городах Союза подобных собраний в те дни не проводилось.

Позже я узнал, что среди собравшихся оказались мои знакомые по школе, в которой я учился, и академическому институту, где я работал. Будучи неплохими, а то и превосходными специалистами в своих областях, они, как и некоторые интеллигенты столицы в ту пору, не обладали достаточно глубокими знаниями по многим важнейшим вопросам общественного развития. Однако они в течение многих лет компенсировали своё невежество жадным поглощением сенсационных слухов и лживых материалов зарубежных радиоголосов. В годы же горбачёвской перестройки они стали постоянными потребителями антисоветской пропаганды, распространявшейся в художественных романах, кинофильмах, публицистических статьях и телематериалах, где развёртывалась атака на прошлое и настоящее нашей страны, назойливо навязывалась идея о том, что советское общество зашло в тупик.

Под воздействием этой пропаганды участники сборища у стен Верховного Совета ещё задолго до 19 августа сформировались как враги существующего строя. Не удивительно, что они встали в ряды мятежников и начали строить баррикады. Люди, которые мнили до сих пор себя интеллигентами, украшали стены близлежащих зданий непристойными надписями с проклятиями в адрес членов ГКЧП. Этому в немалой степени способствовало потребление ими спиртного, которое раздавалось бесплатно владельцами недавно возникших кооперативов.

Некоторые московские интеллигенты пытались изображать участников восстания, как они его представляли по советским историко-революционным спектаклям и фильмам. В книге «Как Горбачёв «прорвался во власть» Валерий Легостаев описал свои впечатления от прогулки по центру Москвы 20 августа: «На углу улицы Горького, у подземного перехода, танк. На нём молодой мужик лет 30, полноватый, машет полосатым флагом… Время от времени выкрикивает: «Горбачёв, Ельцин – да! Военный переворот – нет!» Рядом массовка, человек 10, подхватывает этот лозунг». Запомнил

Легостаев и женщину лет 40–45, которая коршуном налетает на усталого солдата и кричит ему в лицо: «Ты будешь стрелять в матерей? Будешь стрелять в матерей?!»

В тот же вечер я находился на Театральной площади и видел подобную же «даму», которая, встав около танка, выкрикивала подобные же реплики из старомодного театрального спектакля. Солдаты на танке, а также остальные люди на площади смотрели на женщину как на сумасшедшую. Тогда никто из невольных зрителей этих любительских мини-спектаклей не мог вообразить, что их исполнители вскоре удостоятся медалей за заслуги в борьбе за демократию и будут именоваться «защитниками Белого дома».

Миф о «народной революции»

В своей книге «Мятеж против Ельцина. Команда по спасению СССР» Владимир Исаков, который в то время был депутатом Верховного Совета РСФСР, запечатлел, как и кем создавалась легенда о всенародном сопротивлении «путчу». Ночь с 19 на 20 августа он провёл в здании Верховного Совета России. В своём дневнике он записал: «Круглосуточно вещает внутреннее радио… Беспрерывным потоком идут комментарии, интервью, сводки последних событий, перед защитниками Белого дома выступают известные артисты. На глазах материализуется, отливается из бронзы с позолотой, тиражируется миллионными тиражами образ ВЕЛИКОГО СОБЫТИЯ».

Для завершения величественной картины не хватало вооруженного столкновения между «героями демократии» и «путчистами». Этот недостаток дополнила происшедшая на следующий день, 21 августа, стычка на Садовом кольце между экипажем бронетранспортёра и тремя молодыми людьми с бутылками, в которых была зажигательная смесь. Стараниями СМИ это событие было превращено в героическое сражение. И хотя бронетранспортёр двигался в обратную сторону от здания Верховного Совета, утверждалось, что погибшие в ходе этой стычки молодые люди остановили штурм российского парламента.

Возвеличивание СОБЫТИЯ И ЕГО ГЕРОЕВ продолжилось в последующие дни. 31 августа 1991 года газета «Россия» захлёбывалась от восторга: «Сегодня мы все, россияне, находимся как бы на одном из пиков горной системы истории. Рушатся тоталитаризм, империя, насильственно насаждённые Идолы. На новом витке осуществляется возврат к пути развития, исключающему насилие над естеством, в лоно

цивилизованных государств». Известный публицист А.Бовин, который вскоре стал послом в Израиле, писал в те дни в «Известиях» о «народной революции». Депутат Верховного Совета СССР писатель А.Адамович призывал объявить события 19–22 августа «революцией с улыбкой Ростроповича», поскольку в СМИ была широко растиражирована фотография улыбающегося виолончелиста с автоматом в руках возле здания Верховного Совета РСФСР.

О том, что усилия по созданию героического мифа о победе народного восстания против ГКЧП увенчались успехом, свидетельствует закрепление его в учебных программах российских школ. Школьный учебник истории для 11-го класса, написанный Н.В. Загладиным, С.И. Козленко, С.Т. Минаевым, Ю.А. Петровым, вещает: «Политику ГКЧП общество не поддержало. На защиту правительства и парламента России, не признавших власть путчистов, поднялись тысячи москвичей, окруживших их резиденцию, здание Белого дома, живым кольцом».

Погружение в болото

На самом деле, помимо тех, кто стоял около здания Верховного Совета РСФСР, в те дни было гораздо больше людей, придерживавшихся иных взглядов. Геннадий Янаев вспоминал в своей книге «ГКЧП против Горбачёва. Последний бой за СССР»: «В первый день объявленного в СССР чрезвычайного положения из каждой тысячи телеграмм, полученных мной в Кремле, 700–800 приходились в поддержку ГКЧП». Правда, Янаев признавал, что соотношение между телеграммами одобрения и посланиями с осуждением ГКЧП 20 августа уже составляло «фифти-фифти».

Такие перепады в настроениях объяснялись глубокими противоречиями в общественном сознании советских людей. Данные социологических опросов, которые огласил В.Крючков, а затем привёл в своей книге «Август 1991. Где был КГБ?» Олег Хлобустов, свидетельствовали о расколе советского общества на три группы: «От 5 до 10 процентов населения активно выражали негативное отношение к Союзу, социалистическому общественному строю». Вторая группа (до 15–20 процентов) «твёрдо выступала за сохранение Союза, за социалистический выбор… Основная часть населения – до 70 процентов – вела себя безразлично, пассивно, уповая на то, что отвечающие их интересам решения будут выработаны и приняты кем-то помимо их заинтересованного участия». Хлобустов замечал: «Участники этого «не определившегося» болота были ситуационно ориентированы, то есть могли поддерживать по отдельным вопросам то одну сторону, то другую сторону».

Вопреки ложной информации, распространяемой ныне в школьных учебниках, «защитники «Белого дома» не представляли всё общество, а от силы 5–10 процентов населения страны, являвшихся сознательными врагами социализма и советского строя. В то же время не исключено, что значительная часть телеграмм, которые шли в Кремль Янаеву, направлялась из «болота».

В зыбкое болото погружались и те, кто должен был проявлять твёрдость и решительность. Бывший сотрудник аппарата ЦК Валерий Легостаев вспоминал: утром 19 августа прошёл слух о том, что секретарь ЦК КПСС Олег Шенин направил на места шифровку с указанием поддержать ГКЧП. Позже этот слух подтвердился. Однако «во второй половине дня в ЦК приехал из Барвихи Ивашко, отодвинул Шенина и взял ручку управления на себя. Сразу стало тихо, как в детской игре «замри». Никто ничего толком не мог объяснить». Поскольку В.А. Ивашко был первым заместителем генерального секретаря ЦК КПСС, он должен был следовать указаниям Горбачёва. Однако таких указаний у него не было. Ивашко запретил передавать шифровки, но устно выступал за поддержку ГКЧП.

Позиция невмешательства, занятая Горбачёвым и рядом других ведущих деятелей ЦК партии, парализовала основную политическую силу страны, способную мобилизовать наиболее активную часть советских людей на отпор контрреволюции. Вспоминая обстановку в аппарате ЦК, Легостаев писал: «Кругом роились только слухи. В душе возникло и стало нарастать чувство, что все мы в западне, из которой нет выхода. Во вторник, 20 августа, в коридорах Орготдела не было никого. Все, как мышки, сидели по кабинетам. Иногда заглядывал кто-нибудь из коллег, оставлял слух и исчезал».

Тем временем действия ГКЧП, по словам Янаева, «подчинялись порочной логике демонстративного противостояния с ельцинскими органами власти. Началась бессмысленная борьба указов и постановлений: мы издаём – они отменяют, они издают – мы отменяем. На это «перетягивание одеял и канатов» уходило драгоценное время, которое, как говорится, работало отнюдь не на нас. Почему всё так сложилось? Наверное, прежде всего потому, что мы, члены ГКЧП, в столь «нештатных» условиях оказались впервые и были к ним слишком слабо подготовлены. И эта слабость, половинчатость в принятии решений, которых, несомненно, ждало советское общество, не могли не сказаться на его настроениях в августовские дни 1991 года».

Изменившие присяге

Указами нельзя было разгромить мятеж Ельцина, и ГКЧП заранее разработал решительные меры для его подавления. Однако их осуществление было сорвано теми, кто нанёс удары в спину сторонникам сохранения Союза. Из книги «Леонид Шебаршин», в которой Анатолий Житнухин представил всесторонний портрет этого талантливого разведчика, становится ясно, что ведущие исполнители решений ГКЧП саботировали их с первых часов его существования. Житнухин пишет: «Уже 19 августа на совещании руководящего состава разведки по инициативе Шебаршина было принято решение не принимать мер по выполнению указаний председателя КГБ в связи с введением чрезвычайного положения и решений, принятых ГКЧП, а ограничиться лишь информированием загранаппаратов и сотрудников разведки о происшедших в стране событиях. Было дано указание направлять в Аналитическое управление КГБ и ГКЧП информацию только о негативном реагировании правительственных кругов и общественности зарубежных государств на события в СССР».

Объясняя причины того, что ведущий работник КГБ Шебаршин стал на путь саботажа, Житнухин писал о его давнишних разногласиях с председателем КГБ Крючковым. Эти разногласия были вызваны враждебным отношением Шебаршина к Коммунистической партии, её политике и теории. Житнухин пишет: «В его опубликованных воспоминаниях… трудно найти хотя бы одно более или менее позитивное суждение о КПСС». Кроме того, как отмечает Житнухин, «слишком очевидна была линия Шебаршина на обособление разведки от других управлений и подразделений КГБ, сопровождаемая его частыми рассуждениями об элитарности и корпоративных особенностях разведки. За такой точкой зрения руководство КГБ, многие начальники других управлений усматривали не только некоторый снобизм, но и желание вывести из-под огульной критики «демократов» лишь разведку и заявить о её непричастности к репрессиям 1930-х годов». Получается, что, ослеплённый своим высоким профессионализмом, Шебаршин поставил себя и интересы своих коллег выше государственных соображений и служебного долга.

Взяв курс на саботаж действий ГКЧП, «Шебаршин запретил полковнику Б.П. Бескову – командиру группы «Вымпел» – участвовать в планируемых акциях ГКЧП, предусматривающих, в частности, арест Ельцина». Логика действий Шебаршина, в прошлом смело выполнявшего ответственные и рискованные государственные задания, привела его в стан врагов СССР. Житнухин признаёт: «Шебаршин в те дни принял сторону ельцинского окружения. В критический момент противостояния он был у Г.Э. Бурбулиса, ближайшего соратника Ельцина, и советовался с ним. Именно из кабинета Бурбулиса Шебаршин, как он пишет в своих воспоминаниях, позвонил Крючкову и стал отговаривать его от каких-либо решительных действий. При этом он полагал, что якобы может вспыхнуть гражданская война. Но это выглядело довольно наивно – никаких предпосылок в стране для этого не было».

В своей подрывной деятельности Шебаршин был не одинок. Житнухин пишет: «Вслед за этим такое же решение принял командир группы «Альфа» генерал-майор В.Ф. Карпухин. Оба руководителя спецподразделений перед самым началом спец-операции «Гром» по захвату здания Верховного Совета РСФСР в кабинете первого заместителя председателя КГБ Г.Е. Агеева отказались от участия в ней… Разработчики операции «Гром», назначенной на три часа ночи 21 августа, прекрасно понимали, что для её осуществления не нужны ни танковые полки, ни десантные батальоны – предполагалось, что армейские части и подразделения внутренних войск лишь блокируют Верховный Совет. С основной задачей вполне могли справиться две элитные команды – группы Карпухина и Бескова. Такого мнения накануне придерживались и Карпухин, и многие другие специалисты. Позднее на допросе начальник отделения группы «Альфа» А.Савельев также высказал подобную точку зрения: «Как профессионал скажу, что в техническом плане штурм здания Верховного Совета РСФСР не представлял собой особой сложности, наши люди были хорошо подготовлены и смогли бы выполнить поставленную задачу».

В действиях против ГКЧП приняли участие не только некоторые сотрудники КГБ. Житнухин пишет: «Заместитель министра обороны СССР В.А. Ачалов убедил своего министра Д.Т. Язова отменить участие войсковых частей в операции «Гром». Бывший тогда первым заместителем министра внутренних дел В.В. Громов заявил министру Б.К. Пуго, что внутренние войска не будут выполнять его приказы».

Одновременный отказ ведущих деятелей силовых структур выполнять приказы своего начальства означает, что те мотивы, которые вскрыл Житнухин для объяснения поведения Шебаршина, вряд ли полностью применимы для интерпретации поведения других саботажников. Они вряд ли разделяли мысли Шебаршина об элитарности сотрудников внешней разведки. В то же время возможно, что некоторые причины нежелания Громова, Ачалова, Шебаршина и других исполнять приказы вышестоящего начальства были схожими. Возможно, они были затерроризированы массовой пропагандой, которая постоянно твердила о «сталинизме» и недопустимости его повторения.

В своей книге Олег Хлобустов рассказал, как в 1989 году ему «довелось принять участие в проведении контент-анализа ряда публикаций центральных и региональных изданий – всего около 900 статей – по вопросам освещения деятельности органов госбезопасности на различных этапах их существования». По данным О.Хлобустова, «около 70% анализировавшихся публикаций имели ярко выраженный негативный, «разоблачительный» характер в отношении деятельности органов госбезопасности,

причём в основном они касались периода 1930–1950-х годов. Но «выводы» экстраполировались на деятельность органов КГБ СССР. 20% составляли «нейтральные» публикации и около 10% – «позитивные» материалы о современной деятельности органов КГБ». Хлобустов признавал, что «последние, как правило, были подготовлены при участии подразделений общественных связей органов КГБ СССР».

Сотрудники силовых структур осознавали, что, если они будут участвовать в разгоне «народных» выступлений и арестах, их немедленно объявят продолжателями «сталинских репрессий». Из слов Житнухина следует, что этого боялся Шебаршин, старавшийся отделить внешнюю разведку от деятельности советской контрразведки, особенно в 1930-е годы. Возможно, боялись получить ярлыки «неосталинистов» Громов, Ачалов и другие.

О том, что эти страхи не были беспочвенными, свидетельствовали события, последовавшие после арестов членов ГКЧП. Их обвиняли в намерении развязать чудовищные массовые репрессии. По радио и телевидению распространялась ложь о том, что ГКЧП якобы заказал некоему заводу изготовить миллион наручников. Истерические призывы ряда депутатов Верховного Совета СССР к расправам с членами ГКЧП и их «пособниками» (а эти речи транслировались в прямом эфире по радио и телевидению), дикие погромы в помещениях ЦК КПСС, свержение памятника Ф.Э. Дзержинскому и многие другие события в конце августа показали степень антисоветской психопатической эпидемии. Страх стать её жертвами заставлял многих людей забывать, что станет ценой их бездействия. А ведь они уже были свидетелями кровавых событий в Закавказье и Средней Азии, они уже знали о бесконтрольном росте криминального бизнеса, беззакония и преступности. Они могли без труда догадаться, что ждёт страну, если не будут приняты меры, даже суровые, для её спасения.

И всё же очевидно, что далеко не все сотрудники силовых структур оказались запуганными пропагандистским террором. В то же время мы ещё не знаем все способы воздействия, которые были применены по отношению к тем, кто нарушил присягу. Не исключено, что они получили «предложения, от которых не могли отказаться». Ещё не раскрыты все тайны того, как и кем готовилось поражение ГКЧП. Ещё предстоит многое узнать о том, кто из посольств западных держав и их спецслужб направлял разрушительную деятельность против защитников целостности СССР.

Житнухин констатирует: «Страна летела в пропасть, а люди, которые могли её удержать, игнорировали военную присягу… Это был полный провал». Саботаж в руководстве силовых структур СССР, а не вопли экзальтированных дамочек на улицах

Москвы и пьяной публики у стен Верховного Совета СССР парализовал деятельность ГКЧП.

Поражение ГКЧП означало победу контрреволюционных сепаратистских мятежников не только в России. Вскоре после ареста членов ГКЧП декларации о независимости приняли многие союзные республики. Путь в Беловежскую пущу к полному демонтажу СССР был открыт в августе 1991 года.

* * *

Несмотря на непрекращающуюся клевету на ГКЧП, за два с лишним десятилетия жизни без СССР и социализма многие из тех, кто прежде завяз в идейном болоте, осознали, каким бедствием обернулось поражение последних защитников СССР. К сожалению, это осознание пришло слишком поздно и за него была заплачена слишком дорогая цена.

Юрий Емельянов
«Правда»